Травмы подследственного М. Фото с сайта «Комитета против пыток»

04.07.2014, 14:59 Нижегородская область новости

Жалоба на пытки в Нижегородской области дошла до Страсбурга

Правозащитникам из Общественной наблюдательной комиссии (ОНК) по Нижегородской области в начале июня стало известно о чудовищных пытках, которым подвергался подследственный, находящийся в исправительной колонии № 14 (ИК-14) в поселке Сухобезводное (его имя из этических соображений решено не раскрывать, во всех сообщениях он фигурирует как «подследственный М.«). Как рассказал ОВД-Инфо сотрудник общественной организации «Комитет против пыток» Олег Хабибрахманов, ведущий это дело, сначала о пытках правозащитники услышали от родственников М., однако при первой встрече подследственный информацию не подтвердил. Но когда 10 июня члены ОНК проверяли другого заключенного в колонии и на всякий случай зашли к М., тот решил рассказать все. До этого, еще 29 апреля, он рассказывал о пытках сотруднику аппарата Уполномоченного по правам человека в области, но письменное заявление подавать не стал. По словам

Хабибрахманова, местный уполномоченный мало помогает в таких делах — во всяком случае, «Комитету против пыток» ничего не известно о каких-либо результатах. «Просто переслали полученную информацию в прокуратуру или СК, или еще куда-то», — полагает Хабибрахманов.

До 10 апреля М. содержался в СИЗО-1 Нижегородской области. Как он считает, его перевели в помещение, функционирующее в режиме следственного изолятора (ПФРСИ), на территории ИК-14, чтобы добиться от него признания в инкриминируемом ему преступлении. Как рассказал ОВД-Инфо адвокат Евгений Губин, представляющий интересы М. в Следственном комитете по материалам проверки информации о пытках, его доверитель, находясь в СИЗО, признательных показаний не давал. М. рассказал адвокату (в распоряжении ОВД-Инфо есть текст опроса, предоставленный адвокатом; видеофрагмент опубликован на сайте Комитета против пыток), что еще до перевода сотрудник МВД Шамаев, осуществлявший оперативное сопровождение по его делу, угрожал ему, что найдет способ добиться от него признания. По словам Губина, ИК-14 известна тем, что «сюда привозят со всей России следственно арестованных, чтобы пытками выбить из них показания». (Около года назад на сайте Gulagu.net было опубликовано обращение, в котором рассказывалось, что в ИК-14 осужденные за особо тяжкие преступления жестоко издеваются над другими заключенными, получая за это различные льготы и что саму колонию заключенные называют пыточным лагерем.) Следует отметить, что М. обвиняют по экономической статье — о мошенничестве, совершенном организованной группой либо в особо крупном размере (ч. 4 ст. 159).

Пытки начались в первый же день после того, как М. был переведен в ПФРСИ. Перед помещением в камеру его осмотрел врач и спросил, нет ли у М. суицидальных наклонностей, на что был дан отрицательный ответ. Затем

в камеру к М. зашли «два человека, одетых, как осужденные», которые начали избивать его и требовать, чтобы он написал явки с повинной по инкриминируемым ему эпизодам. «Избивали около 5 минут, пока я не упал», — записано в опросе со слов М. На следующий день, как рассказывает подследственный, те же люди явились к нему снова, надели наручники, заломили руки, привязали ноги веревкой к столу и вставили в задний проход «резиновую палку, которая обычно бывает у полицейских». После этого М. пообещал, что даст признательные показания. Двое прекратили свои действия, но пригрозили, что если М. показаний не даст, то они его изнасилуют, снимут на видео и разошлют его жене и сокамерникам по СИЗО.

М. написал явки с повинной, причем, по его словам, мучители связывались по телефону, как он полагает, с оперативником Шамаевым и требовали писать «грубее, с использованием сленга, чтобы выглядело правдоподобно».

Как отмечает Хабибрахманов, ПФРСИ «предусматривает полную, стопроцентную изоляцию подследственного от лиц, отбывающих наказание», то есть просто так осужденные в камеру к М. попасть никак не могли. Хабибрахманов предполагает, что «подобное могло происходить исключительно при содействии сразу нескольких должностных лиц колонии».

Под давлением приехавшего в колонию Шамаева М. отказался от услуг двух адвокатов (одна из них, еще когда М. находился в СИЗО, советовала ему писать заявления о том, что Шамаев вымогает у него деньги).

После того, как М. рискнул пожаловаться сотруднику аппарата уполномоченного, те же люди, что истязали его раньше, избили его в прогулочном дворике, засняв это на камеру. При этом, по его словам, они говорили: «Дурак, куда ты прешь? Это же система. Мы годами тут работаем. И не таких ломали. Ты не выживешь». (М. понял, что его

разговор с сотрудником аппарата уполномоченного прослушивался.) После избиения у М. треснул передний зуб. Кроме того, он чувствовал сильную боль в ребре. Ему казалось, что ребро сломано, но врачу он жаловаться побоялся.

В начале июня в ПФРСИ состоялся допрос М. по его делу. «Перед началом допроса, под предлогом «проведения личного досмотра», майор отвел меня в уединенное место, где сказал: «Попробуй только взять пятьдесят первую! Знаешь чем тебе это грозит?» — рассказал М. адвокату (51-я статья Конституции дает человеку право на свидетельствовать против себя). М. на допросе подтвердил то, что раньше написал в «явках с повинной».

По словам М., до этого его обещали перевести под домашний арест, однако теперь сотрудники колонии сказали ему, что для домашнего ареста «таких показаний недостаточно» и он останется в ПФРСИ. Перевести его обратно в СИЗО они отказались.

На следующий день после того, как М. рассказал обо всем членам ОНК, его отвезли в областной суд, где неожиданно для него состоялось заседание, посвященное продлению меры пресечения, хотя до истечения предыдущего срока оставалось еще почти две недели. «В этот же день меня формально осматривал медик, медицинская помощь оказана не была, никакой информации о моем состоянии врач мне не сообщил. Сейчас у меня болит ребро, оно деформировано и «выпирает», — записано в опросе со слов М. По возвращении из суда его перевели в другую камеру, «по техническим соображениям не пригодную для жизни (сырая, все сломано)», он посчитал, что это наказание за жалобу членам ОНК.

Днем позже, по окончании прогулки (судя по рассказу М., это была единственная прогулка за два месяца), истязания возобновились: М. накинули на голову мешок, начали душить и связывать ноги и руки скотчем. Ему выкручивали руки, били в пах, облили холодной водой и вставили шланг

с водой в задний проход. М. успел увидеть, что в истязаниях участвовали трое осужденных в масках и конвойный. Когда М. стал приходить в себя, он попробовал встать, но у него не получилось (по словам М., у него с детства проблемы с позвоночником). Мучители заявили ему, что он симулирует, посадили на лавку и заставили одеться в сухую одежду. М. потерял сознание. По его словам, его откачивали нашатырным спиртом. На вопрос ОВД-Инфо, делал ли это медицинский персонал колонии или сами пытавшие, адвокат Губин ответил, что медицинские работники в ИК-14 «покрывают сотрудников колонии, не фиксируют никаких телесных повреждений», не выдают медицинских документов. «Проблемы с исправлением естественных потребностей через задний проход у меня до сих пор существуют», — рассказал М. адвокату (опрос проходил во второй половине июня).

После всех этих мучений М. бросили в камеру, где он пролежал сутки. Ему не верили, что он не может встать, били в пах, сотрудники колонии выносили выговоры и объясняли, что он нарушает режим содержания. По словам М., осужденные, по-видимому, идущую из помещения дежурного, кричали ему, чтобы он вставал, используя громкую связь. Когда М. в очередной раз не смог встать, один из осужденных, зашедший к нему в камеру, помочился на него. После этого те же осужденные, что пытали его с самого начала, снова надели ему мешок на голову, привязали к столу, раздели и стали вгонять палку в задний проход, требуя, чтобы он написал отказ от жалоб. При этом они говорили ему: «Чего ты, думаешь, напишешь жалобу, чего-то этим добьешься? У нас все равно все схвачено во всех структурах. Бесполезно...». Ему угрожали, что будут насиловать его каждый день, что в передачке от матери «найдут» наркотики. Позже его избивал и сотрудник администрации.

М. объяснял, что решил пожаловаться членам ОНК, поскольку боялся, что его изнасилуют. Боялся он и того, что ему нагадят в еду, — один из его мучителей работает в колонии поваром. Раньше он надеялся, что найдет общий язык с оперативниками, но затем он убедился, что они обманывают его: ему обещали и перевод под домашний арест, и даже что договорятся об условном сроке, но ни одно обещание выполнено не было. В камере у него отключали розетку, чтобы он не мог вскипятить воду, выливали воду из питьевого бачка. Ему объясняли, что он ничего не добьется, ему не помогут и никуда не переведут: «Мы уже приняли меры».

Уже на следующий день после того, как М. рассказал о пытках членам ОНК, в Семеновский межрайонный следственный отдел областного следственного управления было подано сообщение о преступлении. Однако его руководитель Алексей Южин распорядился начать следственные действия только 19 июня, через неделю с лишним, и то только после ходатайств адвоката. А 23 июня Южин продлил срок доследственной проверки до 30 суток. По словам адвоката Губина, «они объясняют это тем, что 11-е — это был предпраздничный день, а в праздники — там 4 дня — они не могли его вывести на судмедэкспертизу. Якобы там это большая проблема — этапировать его, посетить, народу у них не хватает. Такие стандартные отмазки, ясно, что они просто покрывают сотрудников колонии».

Как сообщают на сайте «Комитета против пыток», «20 июня в ходе очередного визита правозащитников, сотрудники администрации исправительной колонии попытались воспрепятствовать фотографированию очередных повреждений у подследственного. Также фельдшер учреждения отказалась ознакомить членов ОНК с журналом травматизма. Это удалось сделать только после вмешательства прокурора Сергея Морозова», после чего выяснилось, что травмы М. в журнале зафиксированы не были. В тот же день адвоката Губина три часа

не пускали к доверителю, а потом хотели получить копию опроса.

Юристы «Комитета против пыток» обратились в Европейский суд по правам человека. В их жалобе говорится, что была нарушена Статья 3 Европейской конвенции о запрещении пыток. Они попросили суд принять обеспечительные меры. Согласно регламенту ЕСПЧ, суд может в исключительных случаях потребовать от государства принять меры по защите жизни и здоровья заявителя. Ситуация, когда над человеком постоянно издеваются, что может привести либо к смерти, либо к самоубийству (а М. не исключал, что если пытки продолжатся, он может покончить с собой), относится к таким исключительным случаям. «Комитету против пыток» уже удавалось добиться, чтобы ЕСПЧ потребовал от российских властей обеспечить безопасность заявителя, — это было дело жителя Чечни Ислама Умарпашаева, которого, как утверждают правозащитники, четыре месяца били и пытали, заставляя признаться, что он является участником бандформирования.

Европейский суд потребовал от российских властей ответить на многочисленные вопросы (и представить все соответствующие документы), в том числе: когда и почему М. перевели в ИК-14, где именно он содержался, имеют ли заключенные доступ в ПФРСИ, был ли у М, доступ к медикам и адвокату после начала истязаний, осматривал ли его врач после пыток в июне, был ли дан его представителям доступ к медицинским записям о его состоянии.

[[{«type»:«media»,«view_mode»:«media_large»,«fid»:«4704»,«attributes:
{«alt»:«»,«class»:«media-
image»,«height»:«157»,«typeof»:«foaf:Image»,«width»:«150»}}]]

Между тем пока ответа от Следственного управления на заявление о пытках нет. По словам адвоката Губина, надежда на возбуждение уголовного дела по факту получения травм «очень слабенькая». Более того —

руководство ИК-14 подало на Губина жалобу в палату адвокатов Нижегородской области. В Facebook Губин приводит цитату из жалобы: «После окончания свидания на внутреннем КПП адвокату Губину Е.П. было предложено предоставить для ознакомления текст собственноручно написанный следственно-арестованным М. т. к. возможно он не является связанным с предметом соглашения (об оказании юридической помощи — ОВД-Инфо), на что адвокат Губин Е.П. ответил отказом в категорической форме и заявил что он организует по этому поводу большой скандал и запугивал присутствующих на КПП сотрудников тем что у них будут неприятности» (пунктуация оригинала сохранена). «Комитет против пыток» напоминает, что, согласно постановлению Конституционного суда, «цензура переписки подследственного с его адвокатом возможна лишь в случаях, когда у администрации учреждения есть разумные основания предполагать наличие в ней недозволенных вложений (что проверяется только в присутствии подозреваемого), либо имеется обоснованное подозрение в том, что адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну, переписка угрожает безопасности учреждения или носит иной противоправный характер».

Сам же подследственный М. до сих пор остается в ПФРСИ. Сейчас, как утверждает адвокат, «все спокойно», но перевести М. в другой следственный изолятор защите пока не удается.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ